

Спасский А. А. Профессор А. П. Лебедев: [Учено-литературная деятельность его и заслуги в области церковно-исторической науки. Характеристика его личности как профессора и человека] // Богословский вестник 1908. Т. 3. № 9. С. 103—141 (3-я пагин.). (Начало.)

Профессоръ А. П. Лебедевъ.

Учено-литературная дѣятельность его и заслуги въ области церковно-исторической науки — Характеристика его личности, какъ профессора и человѣка.

14 Юля въ 11 ч. ночи, отъ непродолжительной, но тяжелой болѣзни неожиданно для всѣхъ скончался проф. Алексѣй Петровичъ Лебедевъ, послѣ 38 лѣтней профессорской службы и учено-литературной дѣятельности, достигшій уже почтеннаго 64—лѣтняго возраста, но до дня своей кончины сохранившій умственную свѣжесть и литературную энергію. Въ лицѣ умершаго русская церковно-историческая наука понесла тяжкую утрату, какая давно уже не выпадала на долю ея, потерявъ талантливаго и даровитаго ученаго, заявившаго о себѣ многочисленными и разнообразными трудами по всѣмъ отраслямъ церковно-историческаго познанія, не оставившаго необслѣдованнымъ и такъ или иначе не затронутымъ ни одного самаго темнаго и укрытаго уголка исторической жизни восточной церкви, начиная съ первыхъ вѣковъ ея существованія, включая періодъ вселенскихъ соборовъ, эпоху византійской церкви и кончая судьбами греческой церкви, отъ подпаденія ея подъ власть турокъ до настоящаго времени, и стоявшаго во главѣ русской церковно-исторической науки до конца своей жизни. ¹⁾ Особенно тяжела эта потеря для нашей Московской Дух. Акад., которой А. П. Лебедевъ посвятилъ лучшіе годы профессорской и учено-литературной дѣятельности, и преподавательскій составъ

¹⁾ Перечень статей и сочиненій А. П. Лебедева за двадцати-пятилѣтній періодъ его дѣятельности собственно въ Московск. Академ. (1870—1895) см. въ статьѣ И. Н. Корсуяскаго „Двадцати-пятилѣтіе учено-литера-

которой насчитываетъ въ своей средѣ большинство непосредственныхъ учениковъ его. Одинъ уже перечень его трудовъ и статей, разсѣянныхъ по разнымъ духовнымъ журналамъ, могъ-бы занять 1^{1/2}—2 печатныхъ листа. Біографія же его, лучшей матеріалъ для воспроизведенія которой, заключающейся въ его автобіографіи, остается еще неизданнымъ, и историко-литературный обзоръ его ученой и профессорской дѣятельности потребовалъ-бы для себя особой диссертации, каковая съ теченіемъ времени, несомнѣнно, и появится. Здѣсь же, подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ неожиданной смерти проф. Лебедева, авторъ этой статьи, не только ученикъ и преемникъ по кафедрѣ почившаго, но смѣющій считать себя въ числѣ его близкихъ, хотя и младшихъ друзей, намѣренъ дать лишь небольшой очеркъ его литературно-ученой дѣятельности и возможную характеристику его, какъ профессора и человѣка.

✓ 1) Значеніе каждаго ученаго дѣятеля,—вопросъ о томъ, что онъ новаго внесъ въ свою науку,—можетъ быть полно

турной дѣятельности проф. А. П. Лебедева.—Бог. Вѣст. 1895, № 11. Литературныя занятія его во время службы въ Московскомъ Университетѣ сосредоточивались главнымъ образомъ на второмъ изданіи его трудовъ, изъ которыхъ послѣдній 10 томъ (Духовенство древне-вселенской церкви отъ временъ Апостольскихъ до IX вѣка—Москва 1905) было вновь подготовлено имъ и обработано къ печати. Изъ остальныхъ статей, написанныхъ имъ въ этотъ періодъ и имѣющихъ болѣе или менѣе научный характеръ можно отмѣтить слѣдующія: „О нашемъ символѣ вѣры (см. Б. В. 1902, № 2). „о происхожденіи актовъ вселенскихъ соборовъ“ (Б. В. 1903, Іюнь) „Братья Господни“, печатанные въ Душеп. Читенія и вышедшіе отдѣльнымъ оттискомъ; „Черты нравственнаго облика Московскаго Митрополита Филарета (публичная лекція. Москва 1905), „Пресвящ. Порфирій Успенскій“ (по поводу столѣтія со дня его рожденія—Бог. Вѣст. 1904, № 9); „Полезное изданіе (Языковъ. Обзоръ жизни и трудовъ такой какъ русскимъ писателей—Бог. Вѣст. 1907, № 1) „Къ вопросу о несторіанствѣ“ (Прав. Собесѣдн. 1907, Сент.). Появленіе его небольшихъ „этюдовъ“, помѣщенныхъ въ Бог. Вѣст. за 1907 г. „Нѣсколько свѣдѣній изъ истории нравовъ греческаго высшаго духовенства въ турецкій періодъ (Февр. 223—252; „Къ вопросу о происхожденіи перво христіанской іерархіи (Мартъ 460—474)“ „Два пионеры церковно исторической науки у насъ (Май 101—167), и представляющихъ собой лишь извлечения изъ его печатныхъ трудовъ, можно объяснить только настойчивостью редактора Б. В. имѣть въ своемъ журналѣ статьи съ столь почетнымъ и прославленнымъ именемъ. Другія его статьи позднѣйшаго происхожденія, вызванныя злобой дня, будутъ отмѣчены ниже.

и точно опредѣлено лишь при знакомствѣ съ предшествующимъ выступленію его на поприщѣ учено-литературной дѣятельности состояніемъ изучаемой имъ науки. Эта предшествовавшая эпоха носила на себѣ довольно мрачный характеръ. То были Николаевскія времена, когда выше всего цѣнилась дисциплина, униформа, послушаніе, отсѣченіе своей воли, молчаніе и отказъ отъ всякихъ свободныхъ мыслей и собственнаго сужденія, когда цензора вычеркивали „вольный духъ“ изъ поварскихъ книгъ и положеніе университетской науки было таково, что фельдфебели и пристава могли становиться ректорами университета и попечителями учебного округа. Еще болѣе тяжелымъ гнетомъ эта эпоха отразилась на состояніи богословской науки и въ частности церковной исторіи. Выступить съ какимъ-либо самостоятельнымъ сужденіемъ, освѣтить съ новой точки зрѣнія тотъ—или другой болѣе важный вопросъ богословскаго или церковно-историческаго значенія не только было невозможно, но едва-ли кто и смѣлъ думать о томъ. Даже въ отношеніи къ обычнымъ, такъ сказать, установленнымъ программой предметамъ требовалась осторожность, умѣніе не договаривать мысль, а иногда насильно и съ подавленнымъ сознаніемъ координировать ее по шаблоннымъ и принятымъ рубрикамъ. Сковывая порывы своей мысли, авторъ въ тоже время обязывался наблюдать съ возможною тщательностію и за своимъ языкомъ, которая давалась тѣмъ труднѣе, что никто не могъ предусмотрѣть тѣхъ сложныхъ требованій, какія способна была предъявить придирчивая цензура того времени. Богословская наука находилась въ приниженномъ, можно сказать, рабскомъ положеніи, двигалась не по своимъ собственнымъ мотивамъ, а стояла подъ опекой и попеченіемъ вышшаго начальства и руководилась сторонними предписаніями. Нѣсколько фактовъ изъ исторіи богословской науки 40-хъ—50 гг. можетъ дать читателю понятіе о разсматриваемомъ положеніи дѣла.

Ученая дѣятельность Московск. духовн. Академіи направлялась тогда строгой фериулой Митрополита Филарета. Какое было положеніе профессоровъ ея,—объ этомъ яркое свидѣтельство даетъ С. М. Соловьевъ, современникъ Митрополита, авторъ исторіи русскаго государства. „Даровитые преподаватели (Московской Академіи)—разсказываетъ онъ

въ своихъ запискахъ—были мучениками, какихъ намъ не представляетъ еще исторія человѣческихъ мученій. Филаретъ по каплѣ выжималъ и изъ нихъ, и изъ ихъ лекцій, изъ сочиненій ихъ всякую жизнь, всякую живую мысль, пока наконецъ не кастрировалъ человѣка совершенно, не превращалъ его въ мумію. Такую мумію сдѣлалъ онъ изъ Горскаго (знаменитаго ректора Москов. Акад.), одного изъ самыхъ даровитыхъ и ученѣйшихъ между профессорами духовной Академіи. Появится живая мысль у профессора въ преподаваніи, въ сочиненіи, — Филаретъ вырываетъ ее и, чтобы отнять въ преподавателѣ охоту къ дальнѣйшему выраженію такихъ мыслей, публично позоритъ его на экзаменѣ, говоря „это что за нелѣпость! дуракъ! (Вѣстн. Евр. записки С. П. Соловьева. Мартъ 1907, стр. 78).—Въ словахъ Соловьева наблюдается несомнѣнное преувеличеніе и очевидная враждебная настроенность къ Филарету, но столь-же несомнѣнна и ихъ относительная правдивость. „Вліяніе Филарета на занятія ученыхъ—говоритъ напр. такой почитатель этого митрополита, какъ П. С. Казанскій, тогдашній проф. Моск. Акад., было не поощряющее, а скорѣе подавляющее. Въ нѣкоторыхъ ученыхъ вопросахъ въ Академіи часто не знаютъ, какъ угодить ему. Чего онъ одинъ разъ требовалъ, то въ другой осуждалъ... Если наставникъ хочетъ идти къ наукѣ новымъ путемъ, то заботится только о томъ, какъ бы митрополитъ не узналъ. Какъ ревизоръ онъ имѣлъ обыкновеніе спрашивать письменнаго отзыва, что сдѣлалъ каждый по своей наукѣ. Наставникъ, преподававшій библейскую исторію, написалъ, что онъ по своимъ запискамъ читалъ эту науку. „Подать мнѣ эти записки!“ сказать митрополитъ. „Развѣ нѣтъ у него учебника?“ Онъ разумѣлъ, написанную имъ когда-то библейскую Исторію; записки доставили ему, объяснивъ, что студенты учатъ только его книгу, и это успокоило его (проф. М. Д. А. П. С. Казанскій и его переписка съ Архіеп. Костромскимъ Платономъ. Прот. А. Бѣляевъ, Бог. Вѣстн. 1903. Іюль—Авг., стр. 485). Таково было положеніе науки, подъ гнетомъ тяжелой руки Филарета, по свидѣтельству человѣка, лично испытывающаго этотъ гнетъ. Въ наукѣ заботились лишь о томъ, чтобы угодить всевластному Владыкѣ, скрывали отъ него свои мысли, разглашаемыя не печатно, а лишь на лекціяхъ,—но и это удавалось далеко

не всегда ¹⁾. Даже А. В. Горскому, стоявшему во главѣ современной науки и пользовавшаго широкой популярностью и авторитетомъ среди свѣтскихъ ученыхъ, приходилось выносить не мало горькихъ неприятностей. Шелъ публичный экзаменъ по общей церковной исторіи въ присутствіи Филарета, и одинъ изъ студентовъ долженъ былъ отвѣчать на тему: „о распространеніи и умноженіи христіанства послѣ Апостоловъ до Константина“. Отвѣчалъ онъ по лекціямъ Горскаго и свою рѣчь началъ изложеніемъ причинъ, вызвавшихъ гоненія на христіанъ. Но примѣненіе закона причинности, да еще въ области церковной исторіи, гдѣ долженъ дѣйствовать одинъ промыслъ Божій, какъ будто причинность (т. е. разумность) исторіи устраняетъ, а не подтверждаетъ его, показалось уже слишкомъ либеральнымъ для консервативнаго Владыки, ²⁾ и вотъ вмѣсто студента публичному экзамену былъ подвергнутъ самъ профессоръ, и не смотря на достаточно удовлетворительный отвѣтъ его, ставшій теперь азбучной истиной, результатъ получился для него далеко не утѣшительный. Выслушавъ объясненія Горскаго, митрополитъ замѣтилъ: „послѣ этого будутъ оправ-

¹⁾ Любопытны еще нѣкоторыя наблюденія П. С. Казанскаго: „вообще рѣдкое (академическое) дѣло рѣшались доложить ему такъ, какъ оно есть, боясь испортить его, но какъ нибудь кривыми окольными путями доводили до него, приравливаясь къ его взгляду и характеру, и тогда дѣло получало успѣхъ. Бывало соберемся у ректора Алексѣя и онъ начнетъ придумывать, какъ начать говорить о дѣлѣ. Иногда онъ рѣшался просить противоположнаго тому, что хотѣлъ, и достигалъ исполненія своего желанія (своеобразная дипломатика). Леонидъ Красноплывковъ, сдѣлавшись ректоромъ Виванской Семинаріи, говорилъ: „что это вы боитесь митрополита: я говорю съ нимъ какъ съ отцомъ, откровенно“. Дѣйствительно митрополитъ слушалъ его, но наконецъ семь разъ назвалъ его дуракомъ, и съ тѣхъ поръ Леонидъ отсталъ бесѣдовать съ нимъ откровенно. (тамъ же, стр. 478):

²⁾ Вѣроятно, однако, что рассказываемый сейчасъ фактъ и другіе подобныя ему объясняются не консерватизмомъ Митрополита, какового быть можетъ, на дѣлѣ въ немъ и не было, а необычайнымъ его честолюбіемъ. Въ этомъ случаѣ свидѣтелемъ можетъ служить тотъ-же П. С. Казанскій: „чувствуи въ себѣ избытокъ ума, Филаретъ какъ бы тяготился присутствіемъ при себѣ умныхъ людей(!) Всѣ, кого онъ пріближалъ къ себѣ, были люди часто посредственные, а иногда и совершенно ничтожныя... Онъ хотѣлъ видѣть въ своихъ подчиненныхъ только исполнителей. Всякая свободная мысль, стремленіе къ самостоятельной дѣятельности... были подавляемы имъ... (тамъ же, стр. 456. 485).

дывать всѣхъ гонителей христіанства; они дѣйствовали по законамъ, какъ недавно одинъ жидъ доказывалъ, что смерть І. Христа произошла по всей справедливости законовъ... ¹⁾ Выдающійся ученый и жидъ!—сравненіе достаточно характерное для начальника. — „Что такое духъ христіанскаго общества?“ — обратился однажды онъ съ гнѣвныхъ вопросамъ къ тому-же Горскому. — Могли-ли вы сами объять его? могло-ли вмѣстить это головы вашихъ слушателей? Нынѣ странное направленіе въ исторіи: смотрятъ на человѣчество, какъ на одного человѣка, усвояютъ ему то это, то другое направленіе. Боссюетъ (католическій писатель и проповѣдникъ временъ Людовика XIV) имѣлъ вѣрный взглядъ на исторію, а другимъ не захотѣлось все сводить къ христіанству: они выдумали каждому вѣку своихъ представителей, каждому народу свои идеи. „Все это пустяки“—закончилъ митрополитъ свое внушеніе ²⁾. Итакъ даже въ аудиторіи, закрытой стѣнами отъ слуха постороннихъ слушателей, профессоръ церковной исторіи не долженъ былъ разсуждать ни о причинахъ изучаемыхъ имъ событій, ни о направленіяхъ господствовавшихъ въ древне-церковной жизни, ни о выдающихся дѣятеляхъ: во что-же обращалась въ такомъ случаѣ церковная исторія? она могла быть только простой лѣтописью, хронологическимъ сводомъ событій, безъ всякой внутренней связи и едва-ли самъ Филаретъ, составившій руководство къ библейской исторіи, одобрилъ такого рода историческое сочиненіе, если-бы оно появилось въ печати.

Естественнымъ послѣдствіемъ этого давленія на всякую свободную мысль было то явленіе, что церковно-историческая наука питалась только внутри академіи, какъ нѣжный и нуждающійся въ постоянномъ уходѣ цвѣтокъ въ закрытой отъ свѣжаго воздуха оранжереѣ, тщательно скрывалась отъ глазъ посторонняго и если она могла безопасно показываться на Божій свѣтъ, то въ большинствѣ случаевъ въ видѣ лишь благочестивыхъ руководствъ или сборниковъ для назиданія. Всякая попытка обслѣдовать тотъ или другой церковно-историческій вопросъ съ научной стороны или

¹⁾ С. К. Смирновъ. Исторія Московской Духовной Академіи до ея преобразования (1814—1870) Москва. 1879 г. стр. 190—200.

²⁾ С. К. Смирновъ. Исторія М. Д. Академіи до ея преобразования. Москва 1878, стр. 199.

уничтожалась въ самомъ начальномъ ея проявленіи или приводила къ разультатамъ, прямо противоположнымъ. Филаретъ Гумилевскій, авторъ извѣстной книги „Историческое ученіе объ Отцахъ Церкви“, свое курсовое (теперь кандидатское) сочиненіе написалъ на тему „О духѣ и свойствахъ христіанскаго мученичества“; конференція академіи признала его сочиненіе выдающимся и назначила его къ публичному чтенію, за которымъ должно была слѣдовать и печатаніе его, но неодобрительная резолюція, наложенная на него митр. Филаретомъ, всегда просматривавшимъ студенческія сочиненія, одобренныя Академіей къ печатанію, повела къ тому, что его рукописный трудъ такъ и остался на полкахъ академической канцеляріи ¹⁾. Но это въ сущности являлось еще лучшимъ исходомъ. Истинно нечеловѣческія мученія должны были переживать тѣ, которые задавались цѣлю опубликовать свои изслѣдованія въ печати. Однажды, по разсказу С. М. Соловьева, Филаретъ пожелалъ, чтобы кто-нибудь составилъ опроверженіе сочиненій Сведенборга, имѣннаго читателей и почитателей. За дѣло взялся одинъ ученый и представилъ ректору Академіи изложеніе воззрѣній Сведенборга и опроверженіе ихъ. Первая часть изслѣдованія, какъ и надо было ожидать, ужаснула ректора. Ужъ слишкомъ умнымъ показался ему Сведенборгъ, и вотъ ректоръ спокойно сталъ вычеркивать изъ сочиненія все, что выставяло Сведенборга въ сколько-нибудь видномъ свѣтѣ; ревность его дошла до того, что встрѣтивъ извѣстіе: въ одной гостинницѣ Сведенборгъ имѣтъ видѣніе, онъ зачеркнулъ слово „гостинница“, и написалъ: „кабакъ“. Въ этомъ уже вполне исправленномъ видѣ сочиненіе послано было Филарету: митрополитъ нашель, что и при этомъ исправленіи оно все еще изображаетъ Сведенборга въ выгодномъ свѣтѣ, приложилъ свою корректирующую руку, и когда ректоръ послѣ всѣхъ этихъ цензурныхъ испытаній снова сталъ читать статью, то онъ съ „самодовольнымъ смѣхомъ“ повторялъ: „какой этотъ Сведенборгъ былъ дуракъ!“ (В. Е. с. 79) Еще печальнѣе оказалась исторія съ изслѣдованіемъ Руднева: „О ересяхъ и расколахъ въ русской церкви до Грознаго“. Авторъ его блестяще окончилъ академію и, какъ первый и

¹⁾ С. К. Смирновъ, цит. соч., стр. 212.

выдающійся воспитанникъ, тотчасъ-же назначенъ былъ состоять при ней бакалавромъ (т. е. доцентомъ). Свое курсовое сочиненіе онъ писалъ на тему, преднамѣченную графомъ Румянцевымъ еще въ 1817 г. и премированную въ 35 червонцевъ (на ассигнаціи того времени 401 р. 85 к.). Согласно съ волей завѣщателя оно было прежде всего направлено на разсмотрѣніе конференціи С.-Петербургской дух. Академіи; по указанію здѣшняго рецензента оно вновь было исправлено Рудневымъ и затѣмъ по обычному порядку отправлено было на благоусмотрѣніе Филарета съ просьбой дозволить печатать его и автору выдать премію. На первый разъ Митрополитъ ограничился лишь небольшими замѣчаніями: выраженіе автора: „русская церковь богата раскольниками“ онъ призналъ „неприличной насмѣшкой“; въ фразѣ: „трудно рѣшить эту премудрую задачу (о хожденіи посолонь)“, открылъ площадный и насмѣшливый тонъ библиотеки для чтенія, не пригодный для разсужденія Московск. Академіи о предметахъ церковныхъ, и нашелъ нужнымъ наименованіе греко-русская и русская церковь, употребленное авторомъ въ угоду нѣкоторымъ журналистамъ, измѣнить въ болѣе торжественныя: греко-россійская и россійская церковь. Незначительныя литературныя придирки Филарета показались неважными; Рудневъ еще разъ исправилъ свой трудъ, цензура вновь внимательно просмотрѣла его и сочиненіе отправлено было въ Москву въ типографію для печатанія его. Но только что начался наборъ первыхъ его листовъ, какъ митрополитъ снова потребовалъ къ себѣ все сочиненіе, представленное ему частію въ корректурныхъ листахъ, частію въ рукописи, еще разъ предписалъ ректору тщательно исправить его и затѣмъ продолжать печатаніе. Дѣло по видимому было совсѣмъ закончено, Академія вздохнула, трудъ Руднева появился въ печати, и авторъ ждалъ себѣ немедленнаго присужденія преміи. Властный и строгій Владыка, однако, не дремалъ. Лишь только онъ получилъ печатный трудъ, какъ обратился съ грозной резолюціей по адресу академической конференціи: а) деньги преміи не выдавать впредь до усмотрѣнія, б) разсужденіе о ересяхъ и расколахъ (уже напечатанное послѣ тройнаго пересмотра со стороны конференціи СПб. Академіи, самого митроп., цензора и рект. Моск.) разсмотрѣть вновь и представить съ

мнѣніемъ; в) обратить вниманіе на цензора профессора свящ. Делицына, одобвившаго сію книгу—можетъ ли онъ по должности цензора пользоваться довѣріемъ начальства и г) книгу немедленно взять въ храненіе и строгій просмотръ конференціи съ предосторожностью, чтобы она отнюдь не была распространяема впредь до усмотрѣнія. Начался судъ, напоминавшій времена иквизиціи. Книга Руднева торжественно читалась въ трехъ засѣданіяхъ Академіи: цензоръ потребованъ былъ къ отвѣту и представилъ свои объясненія; ректоръ Филаретъ (Гумилевскій) и А. В. Горскій—всѣ приложили свои усилія къ новому исправленію книги. Что же случилось? Открылъ ли митрополитъ какія-либо новыя ереси въ квигѣ, ускользнувшія отъ вниманія его при первыхъ двухъ чтеніяхъ? Ничуть не бывало. Владыкѣ показались еретическими двѣ слѣдующія мысли автора: 1) „который (соборъ) въ XI вѣкѣ раздѣлилъ и доселѣ раздѣляетъ единую соборную и апостольскую церковь на церковь восточную и западную, греческую и римскую“;—фраза, не только вошедшая по своей мысли теперь во всѣ учебники и программы по церковной исторіи, но и тогда уже значившаяся въ принятомъ академіей начальномъ руководствѣ по этой наукѣ Иннокентія. Догматическая неточность ея заключается въ томъ, что она могла порождать мысль о прекращеніи существованія единой вселенской церкви, а потому и конференція исправила это мѣсто такъ: „который въ XI вѣкѣ отдѣлилъ и доселѣ отдѣляетъ отъ единой соборной и апостольской церкви—церковь западную—римскую“. Другое мѣсто касалось вопроса о преданіи и пахло протестантствомъ: „нельзя отвергать пользы и важности преданія,—писалъ Рудневъ,—но и нельзя доказывать совершенной ихъ необходимости, потому что Св. Писаніе заключаетъ въ себѣ все, необходимое для нашего спасенія. Преданія суть второстепенный вспомогательный источникъ христіанской религіи“. Въ виду неслыханной дерзости этой мысли конференція постановила совсѣмъ вычеркнуть ее изъ книги и опредѣливъ а) перепечатать всѣ мѣста въ книгѣ, требующія исправленія, б) сдѣлать строгое замѣчаніе священнику Делицыну, что онъ не имѣлъ должной внимательности къ своему дѣлу и инкриминуемая страницы перепечатать на его счетъ, представила свое постановленіе на благоусмотрѣніе Филарета.

Митрополитъ еще разъ не утерпѣлъ чтобы не сдѣлать замѣчаній; потребовалъ пересмотра всей книги, и затѣмъ когда все это было исполнено, разрѣшилъ по исправленіи выпустить въ продажу печатную книгу, наложивъ однако резолюцію: „если сочиненіе доживетъ до второго изданія, то надобно цензуровать его съ полною строгостью“. Любопытно-бы знать, какіе бы еще могли бы сдѣлать исправленія въ книгѣ послѣ столькихъ цензурныхъ испытаній и искаженій, перенесенныхъ ей? Премію, заслуженную своимъ сочиненіемъ, Рудневъ получилъ только въ 1842 г. ¹⁾; истерзанный авторъ могъ порадоваться лишь тѣмъ, что его книга, тотчасъ послѣ окончательнаго выхода изъ печати, была распродана на расхватъ.

Но, быть можетъ, эта придирчивая, доходившая до нелѣпостей (въ отношеніи напр. къ сочиненію о Сведенборгѣ), цензура примѣнялась только къ сочиненіямъ, вышедшимъ изъ подъ пера воспитанниковъ Академіи, и не простиралась на труды профессоровъ и ихъ научную дѣятельность? Нѣтъ, и профессора академіи раздѣляли униженное положеніе своей науки: Начальство смотрѣло на нихъ не какъ на служителей науки, приставленныхъ къ одному опредѣленному дѣлу, а какъ на чиновниковъ, отданныхъ въ полный произволь начальства, обязанныхъ исполнять только его капризы и не имѣющихъ никакого права на собственное сужденіе. При каждой попыткѣ на самостоятельный поступокъ въ области-ли то дѣйствія или мысли, имъ грозила распеканція и притомъ соединенная съ грубымъ, полнымъ невѣжествомъ и унижительнымъ издѣвательствомъ. Любопытенъ наивный разсказъ изъ своей автобіографіи, сохранившійся въ воспоминаніяхъ П. С. Казанскаго, слова котораго мы не разъ цитировали и записанный собственно съ цѣлію защитить Филарета. Дѣло шло о такомъ обычномъ въ Академіяхъ и простомъ дѣлѣ, какъ проповѣдь. Ему, когда онъ уже состоялъ профессоромъ, назначена была проповѣдь на 1-е Іюня „противъ гяѣва“. Справиться съ этой работой такому благочестивому профессору, какъ П. С. Казанскій, было легко, и проповѣдь своевременно представлена была Митрополиту. Къ ужасу профессора проповѣдь не понравилась Владыкѣ,

¹⁾ Смирновъ. Ист. Аж. стр. 216 сл.

и проповѣдника вмѣстѣ съ ректоромъ Академіи потребовали въ его квартиру. (Дѣло происходило въ С.-Троицкой Лаврѣ). „Прихожу я къ ректору,—разсказываетъ Казанскій. „Горить Владыка,—говорить онъ,—приготовьтесь!“—Принялъ насъ въ гостинной и не посадилъ. „Что ты пишешь, что Государыня—мать отечества?—Государя мы называемъ отцемъ отечества, то я почелъ возможнымъ и Государыню назвать матерью.—Государь царствуетъ, а Государыня не царствуетъ—это глупо“...—Въ одномъ мѣстѣ проповѣди было безъ вѣдома автора, вставлено ректоромъ (очевидно цензоромъ) слово „оно“. Митрополитъ вскричалъ: „зачѣмъ тутъ вставлено: оно? да тутъ смысла нѣтъ! да ты грамматики не знаешь!“ Не желая вмѣшивать ректора въ отвѣтственность, допрашиваемый возразилъ: „мнѣ казалось нужнымъ это слово для ясности!“—Какая ясность сказалъ митрополитъ—Вы грамматики не знаете. Ректоръ! чего ты смотришь? Я вправѣ думать, что и ты такой же дуракъ!“¹⁾ Думается, что этотъ краткій діалогъ между начальствующимъ лицомъ и подчиненными ему ректоромъ и инспекторомъ Академіи, не требуетъ дальнѣйшихъ комментаріевъ.

Не менѣе печально и унизительно дѣло богословской науки обстояло и съ С.-Петербургской Академіей. Здѣсь уже важно общее замѣчаніе извѣстнаго Никанора, арх. Херсонскаго: „разработка академической науки подвигалась слабо... Всѣ преподаватели академической науки боялись тогда выступить съ какой-либо самостоятельностью на поприщѣ богословской науки. Кіевскій митрополитъ Платонъ любилъ повторять, какъ ему, новопоступившему въ 30 годахъ въ Академію профессору и инспектору ректоръ внушалъ: Боже тебя сохрани писать что либо отъ себя... Пугали обыкновенно Филаретомъ“. Но еще важнѣе для характеристики тогдашняго положенія богословской науки внутри Академіи его собственныя злоключенія, пережиты имъ въ С.-Петербургской Академіи въ качествѣ молодого профессора и представляющіе собой глубоко-тягостную трагедію между властнымъ начальствомъ, стремящимся все нивелировать и подавить всякую живую мысль, и страстнымъ же-

¹⁾ Богъ Вѣстн; цит. статья, стр. 475. 480.

²⁾ Изъ Истор. уч. мон. Русс. Обзоръ 96, 1, 238. 239. Б. В. 480.

ланиемъ молодого профессора оживить свою науку и поднять ее на надлежащій уровень. Въ началѣ 50-хъ годовъ Никаноръ получилъ назначеніе на кафедру обличительнаго богословія въ С.-Петербургскую Академію и съ всею присущей ему энергіей занялся изученіемъ своей науки. Прошелъ годъ, и вотъ неожиданно приглашаетъ его къ себѣ ректоръ, преосв. Макарій (Булгаковъ, впоследствии Московскій Митрополитъ). „Вотъ что, о. Никаноръ — приказываетъ владыка молодому профессору, — вы будете читать теперь введеніе богословія (— преподаваемое ранѣе самимъ ректоромъ—). Мнѣ некогда, слишкомъ я занятъ; въ моей книгѣ (въ извѣстномъ „Введеніе въ богословіе) вы найдете все, что нужно сказать съ положительной стороны“. Невозможно представить себѣ большого неуваженія и къ наукѣ и къ профессору, чѣмъ какое выражалось въ словахъ ректора, то же впоследствии заявившаго собой важными трудами въ области догматики и исторіи русской церкви... Перемѣнить кафедру т. е. предметъ преподаванія, очевидно, значило въ его глазахъ тоже самое, что облечься въ новую одежду, или приготовить новое блюдо, да и профессоръ разматривался, какъ простая машина, одинаково приготовленная ко всякому словоизверженію—даже по готовому учебнику. Никаноръ засѣлъ за новую науку, но разумѣется сухое и безжизненное введеніе Макарія не удовлетворяло его. Прошло немного времени, и ректоръ вновь призываетъ къ себѣ несчастнаго профессора и заявляетъ ему: „слушайте о. Никаноръ, говоръ идетъ о васъ въ городѣ; вы тамъ на лекціяхъ касаетесь щекотливыхъ вопросовъ: это толкуютъ не только студенты, но и выносятъ въ городъ. Я теперь васъ предупреждаю. Но если толки не прекратятся, я переведу васъ, — да и теперь не перевести ли на греческій языкъ“. Казусъ, чуть не подавшій поводъ къ новой карѣ, состоялъ въ слѣдующимъ. Тогда все петербургское общество переполнено было толками о книгѣ Штрауса—*Das Leben Jesu* (жизнь Иисуса). Профессора Академіи не смѣли и затрогивать спорнаго вопроса даже на лекціяхъ. „Таковъ былъ тогда духъ академическаго преподаванія, — замѣчаетъ Никаноръ, — подобныя щекотливыя вопросы замалчивались“, и это замалчиваніе, пожалуй, было приличнѣе того уже черезъ-чуръ откровеннаго пренебреженія къ даннымъ естественной науки,

какіе подчасъ высказывались напр. въ сужденіи о выводахъ геологіи по сравненіи ихъ съ библейскимъ сказаніемъ о твореніи міра высшими членами духовенства, состоявшими профессорами и ректорами. По рассказамъ того же Никанора, Макарій отдѣлывался отъ прикучливаго вопроса простымъ заявленіемъ, что „йом“ въ писаніи вездѣ обозначаетъ только одинъ день и что толкующіе его въ смыслѣ цѣлыхъ періодовъ времени говорятъ одни пустяки. Другое вліятельное лицо того времени—Леонтій Лебединскій, скончавшійся Московскимъ митрополитомъ, выражался еще рельефнѣе: „коснувшись въ богословскомъ классѣ семидневнаго творенія относительно геологовъ, онъ ограничился лишь характернымъ замѣчаніемъ, что, молъ, тамъ геологи роются въ землѣ, какъ жуки въ г—нѣ“. Понятно, что поступокъ Никанора, посвятившаго одну лекцію на ознакомленіе студентовъ съ книгой Штрауса и опроверженіе его воззрѣній, столь дерзко нарушавшій законъ умалчиванія, показался ректору черезъ чуръ либеральнымъ и вызвалъ грубый выговоръ. Неугомонный профессоръ однако не смирился. Въ одной изъ своихъ лекцій онъ подвергъ критикѣ Кантовы доказательства бытія Божія съ тѣмъ, чтобы дать имъ новую постановку, и кара не замедлила послѣдовать. Макарій тотчасъ позвалъ къ себѣ слишкомъ зазнавашагося ученаго, осмѣливашаго опровергать высшіе авторитеты. „Сказать, что онъ при этомъ смѣшалъ меня съ грязью,—свидѣтельствуешь самъ Никаноръ, — этого мало. Онъ не растеръ меня въ порошокъ потому только, что этого сдѣлать нельзя было: онъ готовъ былъ „отбросить меня, какъ мерзкаго червя“.—„Что вы тамъ такое — кричалъ Макарій,—опроверженіемъ бытія Божія занимаетесь? И вы осмѣлились поднять хульный языкъ на кого? на бывшаго наставника? на своего ректора! Прямо мнѣ глаза! 1) Да вы знаете-ли, что мое сочиненіе всѣми признано, какъ образцовое, до котораго вамъ не дорости... Понимаете, что выходитъ? Моська лаеетъ на слона! Тфу“... Вознамѣрился было, добавляетъ расказчикъ, плюнуть на меня, но отвернулся и плюнулъ черезъ столъ на полъ. Послѣдовалъ доносъ Петербургскому митрополиту,

1) Очевидно, Макарію донесли, что Никаноръ разбираетъ мысли, изложенныя въ его введеніе въ богословіе.

обвинявшій профессора въ неправославіи, и митрополитъ распорядился отдать виновнаго въ руки того же Макарія. Положеніе молодого ученаго въ Академіи стало невозможнымъ: онъ недолго профессорствовалъ... Но когда чрезъ нѣсколько лѣтъ онъ напечаталъ часть своихъ работъ подъ заглавіемъ: „описаніе раскольническихъ сочиненій“, самъ уже Синодъ издалъ циркулярный указъ, которымъ приглашалъ русскую церковь молиться отъ навожденія нечистой силы, проявляющейся въ изданіи такихъ пагубныхъ сочиненій, и распорядился, чтобы впредь подобныя сочиненія, безъ соотвѣтствующей православной критики, не издавались. И такъ,—я Никаноръ,—замѣчаетъ онъ самъ,—очутился чуть не въ числѣ расколоучителей!“ И всѣ эти притѣсненія, насилія и ругательства примѣнены были не къ какому-нибудь посредственному человѣку, а къ лицу заявившему себя въ послѣдствіи богословскими и философскими сочиненіями, доктору богословія и философіи. Болѣе покладистые люди невольно мирились съ гнетущимъ положеніемъ, больше молчали, чѣмъ говорили, и спокойно доживали свои дни. А наука?.. она тоже молчала и стояла на одномъ мѣстѣ... Но то, скажутъ, были Николаевскія времена! Можно было-бы вспомнить о нихъ съ сожалѣніемъ, если-бы нѣкоторые признаки не указывали на возрожденіе ихъ.

2) Начало царствованія Императора Александра II, ознаменовавшее себя, какъ извѣстно, рядомъ освободительныхъ реформъ, сказавшееся во всѣхъ сферахъ нашей общественной жизни и пробудившее русскія силы отъ той неестественной спячки, въ какую онѣ были ввержены въ тяжелую эпоху его предшественника, отразилось благоприятно вообще на положеніе богословской науки, и въ частности, церковной исторіи. Новый уставъ Академіи, изданный и введенный въ дѣйствіе 1869 года, создавалъ цѣлый рядъ условій, содѣйствовавшихъ поднятію умственной энергіи и литературной производительности въ внутренней академической жизни. Прѣжнее безпорядочное преподаваніе наукъ получило прочную систему: всѣ науки распредѣлялись на три отдѣленія: богословское, церковно-практическое и церковно-

1) Архiep. Никаноръ. Біографическіе матеріалы, подъ редакціей Р Петровскаго, т. 1. Одесса 1900. Ср. Проф. А. П. Лебедевъ. Слѣпые вожди. Москва. 1907, стр., 39—41.

историческое, и для студентовъ вмѣсто того, чтобы набивать себѣ голову разнообразными и часто ничѣмъ не связанными между собой богословскими, историческими и литературными познаніями, явилась возможность специализировать свои занятія, такъ что напр. студентъ, записавшійся на церковно-историческое отдѣленіе, въ теченіе четырехъ лѣтъ своего обученія въ Академіи почти исключительно изучалъ историческія науки. Возникло нѣчто въ родѣ университетскихъ факультетовъ, и влияніе этого не замедлило сказаться на повышеніи студенческихъ успѣховъ. Сосредоточивая свое вниманіе главнымъ образомъ на усвоеніи извѣстнаго рода фактовъ и мыслей, выслушивая лекціи по опредѣленному, логически связанному между собой кругу наукъ и составляя семестровыя сочиненія на темы, заимствованныя изъ одной сферы знанія, студентъ естественно глубже осваивался съ изучаемымъ кругомъ вопросовъ, приобрѣталъ навыкъ къ изслѣдованію ихъ, шире ознакомлялся съ ученой литературой и становился способнымъ къ самостоятельной работѣ въ предѣлахъ специально изученной имъ научной области. Другимъ важнымъ нововведеніемъ, содѣйствовавшимъ подъему научныхъ занятій въ Академіи, устава 1869 г. было установленіе магистерской и докторской степени, причемъ приобрѣтеніе той и другой степени обуславливалось представленіемъ печатной диссертациі и публичной защитой выказанныхъ въ ней тезисовъ. И при старомъ уставѣ (1814) существовали эти степени, но званіе магистра присуждалось конференціей Академіи лучшимъ студентамъ за рукописныя сочиненія, составленные на IV курсѣ (теперешнія кандидатскія), которыя сдавались въ архивъ и оставались совсѣмъ неизвѣстными публикѣ. Докторской же богословской степени отъ профессоровъ совсѣмъ тогда не требовалось: она раздавалась св. Синодомъ, какъ награда, вродѣ скуфьи или наперстнаго креста, двумъ-тремъ архіереямъ или протоіереямъ, въ теченіе каждаго десятилѣтія, часто за очень сомнительныя ученые заслуги, выше которыхъ тогда ставилось т. н. „направленіе“ печатныхъ сочиненій и послушаніе начальству. Учрежденіе магистерской и докторской степеней, присуждаемыхъ Совѣтомъ и представляемое на окончательное утвержденіе св. Синода, сдѣлалось однимъ изъ сильныхъ стимуловъ, дви-

нущимъ впередъ богословскую и въ частности церковно-историческую науку. Приобрѣтеніе ученыхъ степеней явилось нравственнымъ долгомъ каждого сознававшего свои обязанности профессора и публичнымъ свидѣтельствомъ о серьезномъ отношеніи къ своему дѣлу, а специализація преподаванія открыла полную возможность оканчивающимъ студентамъ сравнительно легко обрабатывать свои семестровыя и кандидатскія сочиненія, издавать ихъ въ печати и приобретать званія ученыхъ степеней. Эти перемѣны, внесенныя уставомъ 1869 г. во внутренній ученый строй Академіи всего ярче отразились на развитіи церковно-исторической науки у насъ, и день появленія этого устава можно считать тѣмъ днемъ, когда эта наука встала на прочную почву. Положеніе дѣла радикально измѣнилось: церковно историческая наука, запертая ранѣе въ академическихъ стѣнахъ и питавшаяся въ затхлой атмосферѣ подавляющей цензуры и властныхъ начальническихъ распоряженій и приказаній, вынесена была на свѣжій воздухъ и привлекла къ себѣ вниманіе всего интеллигентнаго общества. Если въ прежнее время всѣ сочиненія церковно-историческаго характера писались по одному шаблону и ихъ содержаніе во многихъ случаяхъ часто опредѣлялось волею начальства, то теперь воцарилась самостоятельность и критическое отношеніе къ церковно-историческимъ вопросамъ. Появилась научная критика и „скепсисъ“, столь мало обычный въ богословскихъ наукахъ, не тотъ скепсисъ, который служитъ выраженіемъ недовѣрія къ собственнымъ силамъ, а тотъ, который не самообольщается, ничего не хочетъ преувеличивать и довольствуется дозой истинъ вмѣсто „возвышающаго насъ обмана“—словомъ тотъ скепсисъ, который долженъ расцифровать церковно-историческія легенды и отыскивать здѣсь зерно истины ¹⁾.“ Въ диссертаціяхъ и печатныхъ произведеніяхъ стали развиваться новыя теоріи и взгляды, часто расходящіеся съ принятыми и установившимся воззрѣніями; между учеными противниками завязывались горячіе и продолжительные споры, глубже и всесторонне выяснявшіе затронутый предметъ, — споры, о которыхъ ранѣе и помину не было и которые прежде вообще

1) Слова А. П. Лебедева. Собраніе церковно-историческихъ сочиненій, т. 1. Москва 1898 г. стр. 511—512.

считались признакомъ дурнаго тона и отнюдь не поощрялись. Сочиненія, такъ или иначе, касавшіяся современныхъ вопросовъ, тотчасъ-же послѣ своего появленія изъ печати вызывали къ себѣ критику и дѣлались предметомъ общаго вниманія. Стало замѣчаться даже то, что называется направленіемъ: личность историка стала яснѣе проглядывать въ мысляхъ и стилѣ его трудовъ, и по самому писателю, независимо отъ предмета, по которому онъ рассуждаетъ, можно было угадать, какъ онъ напишетъ, съ какой стороны освѣтить изучаемый предметъ и куда склонятся его симпатіи и антипатіи. Идеалы научныя въ корнѣ измѣнялись и требованіе къ сочиненіямъ, выходящимъ изъ Академіи, повысилось: появилась церковно-историческая литература и стала наполнять ту пустоту, которая ранѣе наблюдалась въ этой области, словомъ, начался прогрессъ церковно-исторической науки, который продолжается и донинѣ.

Въ этомъ ростѣ и прогрессѣ церковно-исторической науки у насъ А. П. Лебедеву принадлежало передовое мѣсто, постъ вождя и руководителя. Воспитанникъ 60 годовъ, онъ началъ свою профессорскую службу въ Академіи въ 70 годахъ,—съ момента введенія устава 1869 г. и внесъ въ разработку своей науки живую энергію и свѣжіе идеалы, какими отличались выдающіеся люди этой эпохи. Церковную исторію онъ понималъ не только, какъ науку, не преслѣдующую никакихъ другихъ тенденціонныхъ цѣлей, кромѣ научныхъ, но и впервые осуществилъ этотъ великій принципъ на дѣлѣ, послѣдовательно проводя его въ своихъ лекціяхъ и сочиненіяхъ. Богато одаренный отъ природы, онъ обладалъ еще и неизсякаемой способностью къ литературной дѣятельности и всю свою профессорскую жизнь провелъ съ перомъ въ рукахъ, посвящая, по его собственнымъ словамъ ¹⁾, по 15 часовъ въ сутки чтенію книгъ и письму. Ходили легенды, что онъ не пропускалъ ни одного учебнаго дня, чтобы не написать двѣ три четвертки своимъ мелкимъ убористымъ почеркомъ, то извлекая нужныя данныя изъ источниковъ, то записывая содержаніе прочитанной наскоро книги, то внося свои общія наблюденія и планы для дальнѣйшихъ работъ. И онъ считалъ своимъ долгомъ, пока оставался профессоромъ Академіи

¹⁾ Къ моему учено-литературной біографіи В. В. 1907 Июль стр. 411.

ежегодно составлять свое семестровое сочиненіе, затрагивающее тотъ или другой интересный и малоизвѣстный вопросъ, изъ древней и средней исторіи и печатные оттиски, раздавалъ студентамъ того курса, которому онъ читалъ лекціи ¹⁾. Въ его натурѣ лежала какая-то неистощимая страсть къ писательству; онъ не любилъ оставлять свои рукописи въ пыли кабинетныхъ полокъ и ящикахъ, и выпускалъ ихъ въ печати, какъ только выходили они изъ подъ его быстрого пера. Масса знаній, скоплавшаяся въ его головѣ, требовали для себя постоянного исхода, и такимъ исходомъ служили для него ученія изслѣдованія, литературно-критическіе очерки, и изрѣдка и полемика — всегда въ энергичномъ, можно сказать задорномъ тонѣ, стремившемся изничтожить противника. Свой свѣтильникъ онъ никогда не оставлялъ подъ спудомъ: онъ хорошо понималъ, что знаніе имѣетъ цѣну не тогда, когда оно сосредоточивается только въ головѣ ученаго, а когда становится публичнымъ явленіемъ и получаетъ общественное значеніе. И онъ никогда не былъ ученымъ въ томъ схоластическомъ смыслѣ, какой часто соединяютъ съ этимъ словомъ, въ смыслѣ напр. собирателя разночтеній текстовъ, изданій, рукописей и пр., — былъ не рабочимъ, а архитекторомъ своей науки. Сырой матеріалъ, на которомъ основывались его ученія работы, онъ оставлялъ при себѣ, и, быть можетъ, бросалъ въ ту корзину, которая стояла у его письменнаго стола. Въ печать онъ выпускалъ лишь то, что прошло сквозь призму критическаго ума и отлилось въ прочную литературную форму. И его ученые труды не поражаютъ обиліемъ цитатъ, какими излишне пестрятъ нѣкоторыя произведенія современной духовной письменности и отуманиваютъ вниманіе читателей, хотя необходимыя ссылки на пользуемые источники и пособія разсѣяны повсюду; изучающій его сочиненія рѣдко встрѣтитъ также экскурсію въ область экзегезиса текста, подробные и многословные выдержки изъ источниковъ на подлинномъ языкѣ ²⁾

¹⁾ Нашъ курсъ получилъ отъ него брошюру „Профессія церковнаго писателя и книжное дѣло въ древне-христіанское время“.

²⁾ Но тамъ гдѣ нужно, онъ прекрасно пользовался и всѣми этими научными приемами. Такова его статья, „О нашемъ Символѣ вѣры“ гдѣ онъ на основаніе анализа текста т. н. Епифаніевскаго Символа вѣры пришелъ къ новому и оригинальному выводу по вопросу о происхожде-

или полемику съ противоположными воззрѣніями (послѣдней задачѣ онъ посвящалъ отдѣльныя статьи). Онъ умѣлъ дорожить временемъ и вниманіемъ своего читателя и стремился дать ему науку въ чистомъ, законченномъ результатѣ, художественно обработанномъ видѣ, а потому чтеніе его сочиненій и понинѣ оставляетъ по себѣ не только научную пользу, но и эстетическое удовольствіе. Въ этой самобытной особенноти онъ шелъ на встрѣчу потребностямъ своего времени, хотѣлъ усилить или лучше сказать, зародить и воспитать интересъ къ церковной исторіи, привлечь къ ней новыя умственныя силы и поднять ее на научную высоту: этой задачѣ онъ посвятилъ всю свою жизнь и выполнилъ ее въ совершенствѣ.

Въ основу своихъ ученыхъ занятій проф. А. П. Лебедевъ положилъ серьезное и всесторонне изученіе источниковъ для построенія древней-церковной исторіи, подлежащихъ намъ въ памятникахъ древней исторической письменности, и столь-же широкое и обстоятельное изслѣдованіе о всѣхъ болѣе или менѣе заслуживающихъ вниманія опытахъ научнаго воспроизведенія ея, начиная съ эпохи возрожденія и кончая самыми позднѣйшими временами, краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ чего является его первый томъ собранія церковно историческихъ сочиненій, изданныхъ подъ заглавіемъ: „Церковная историографія въ главныхъ ея представителяхъ съ IV-го вѣка по XX (Москва, 1898)“. Предъ нами та научная подпочва, на которой работала покойный профессоръ. Читатель съ захватывающимъ интересомъ здѣсь можетъ слѣдить за постепеннымъ развитіемъ и прогрессомъ церковно-историческаго познанія, поскольку оно отразилось въ литературныхъ памятникахъ, начиная съ первыхъ несовершенныхъ опытовъ въ родѣ „достопамятностей“ Егезиппа, переходя чрезъ Евсевія Кесарійскаго (перваго церковнаго историка въ собственномъ смыслѣ) къ Сократу, Созомену и Теодориту и кончая такими крупными и оригинальными явленіями, какъ Магдебургскія центурии, Бароніи и его анналы, Августъ Неандеръ, Фердинандъ Бауръ и нашъ знаменитый современникъ Адольфъ Гарнакъ. Это цѣльная картинная галлерей,

ни и составъ его, слѣлалъ, можно сказать, цѣлое ученое открытіе. Но объ этомъ вѣсколько словъ ниже.

въ которой, какъ живыя личности, воскресаютъ предъ нами прежніе историки, съ ихъ назойливыми, но всегда оригинальными попытками разрѣшить великую церковно-историческую проблему—понять историческую сущность христіанства и съ той или другой точки зрѣнія выяснить его судьбы въ прошлой исторіи человѣчества и оцѣнить настоящее его положеніе. Здѣсь не забыто ничего. Готфридъ Арнольдъ, Мосгеймъ и Землеръ—эти ученые, внесшіе свои, хотя теперь и умершія и отвергнутыя идеи, въ разработку церковной исторіи,—и какой-нибудь Гассе или Ниднеръ, заявившіе о себѣ лишь составленіемъ болѣе или менѣе подходящаго учебника по церковной исторіи, рассматриваются съ тщательностью, соответствующею ихъ положенію въ области исторіографіи; Флери и Тюльмонъ, —(† 1698), сочиненія котораго не утратили значенія и донныѣ (особенно начиная съ IV вѣка христіанства), фигурируютъ рядомъ съ Гфререромъ и Герцогомъ, имена которыхъ, если и заслуживали упоминанія, то лишь для полноты комплекта. Исслѣдованіе заканчивается очеркомъ, посвященнымъ „наблюденіямъ касательно хода развитія русской церковно-исторической науки“, гдѣ также воздана должная память и честь тѣмъ хотя и немногимъ лицамъ, которые послужили на этомъ поприщѣ, начиная съ XVIII вѣка до половины XIX.

Научное и общеобразовательное значеніе рассматриваемаго труда А. П. Лебедева очевидно: онъ, прежде всего, всякому начинающему занятія въ области, такъ или иначе соприкосновенной съ церковной исторіей, даетъ руководящую нить, чтобы не только надлежащимъ образомъ воспользоваться такими важными источниками для воспроизведенія церковной исторіи, какъ древніе памятники церковной исторіографіи, но и не затеряться въ безбрежномъ морѣ западной церковно-исторической литературы, въ ея прошломъ и настоящемъ, съумѣть извлечь крупныя идеи и избѣжать уже отвергнутыхъ и осужденныхъ наукой недостатковъ. Но этого мало. Перечитывая всѣ эти опыты построенія церковной исторіи отъ Магдебургскихъ центуріевъ и Анналовъ Баронія—до Неандера, Баура и Гарнака,—переживая вмѣстѣ съ этими учеными радость надежды и ужасы разочарованія, слѣдя за изгибами ихъ мысли и метода, читатель, интересующійся вообще историческими занятіями, какъ бы приоб-

рѣшаетъ себѣ научный опытъ, становится болѣе требовательнымъ и строгимъ по отношеніи къ чужимъ историческимъ работамъ и создаетъ себѣ, такъ сказать, идеаль церковнаго историка, осуществленія котораго онъ и ищетъ повсюду. Въ этомъ состоитъ общеобразовательное значеніе отмѣченнаго изслѣдованія А. П. Лебедева.

Солидность научной подпочвы, лежавшей въ основѣ ученыхъ трудовъ А. П. Лебедева, само собою ручается за достоинства и большинства ¹⁾ его прочихъ произведеній, яркимъ доказательствомъ чего и является первое изслѣдованіе его, относящееся собственно къ области церковной исторіи; это знаменитая докторская диссертация его: „Вселенскіе соборы IV и V вѣка. Обзоръ ихъ догматической дѣятельности въ связи съ направлениемъ школъ Александрійской и Антиохійской (Москва 1879 г.).“ Научная новизна и важность названной диссертации открывается изъ слѣдующаго. Догматическая дѣятельность вселенскихъ соборовъ—это предметъ слишкомъ щекотливый, глубоко затрогивающій давно нажитыя привычки богословскаго міросозерцанія и прочно установившіяся воззрѣнія. Пржегіе богословы вообще обходили молчаніемъ этотъ вопросъ и, если почему-нибудь касались его, то ихъ интересъ къ нимъ не превосходилъ стремленія дать лишь рядъ хронологически упорядоченныхъ фактовъ. Въ публикѣ, болѣе или менѣе знакомой съ церковной догматикой, на счетъ внутренней дѣятельности соборовъ царилъ извѣстный шаблонъ, правда, и теперь еще не совсѣмъ препобѣжденный: „являлся еретикъ, собирались вмѣстѣ о.о. церкви, единодушно изрекали догматъ, ересь посрамлена и православіе торжествуетъ...; проходилъ моментъ, опять появлялись еретики, снова собирались отцы и т. д.“—къ такой краткой формѣ сходилась вся догматическая задача вселенскихъ соборовъ. Всякая попытка взглянуть на вопросъ съ исторической точки зрѣнія, раскрыть въ внутреннемъ процессѣ вселенскихъ соборовъ моментъ движенія, развитія и борьбы многими ревнителями не по разуму разсматривалась чуть-ли какъ не „хула на Духа св.“ и представлялась, какъ носягательство на богодухновенный авторитетъ ихъ ²⁾. От-

¹⁾ Объясненіе этому выраженію будетъ дано ниже

²⁾ Въ этомъ отношеніи любопытную страницу изъ исторіи тогдашней богословской мысли даютъ въ себѣ подняшіе нѣсколько поодвѣ въ

сюда понятно, что нужно было обладать нѣкоторой долей научнаго героизма, чтобы, вопреки господствовавшимъ предразсудкамъ, выступить съ новымъ взглядомъ на исторію вселенскихъ соборовъ, въ которомъ историческая точка зрѣнія получила полное преобладаніе. Эта заслуга впервые и выполнена А. П. Лебедевымъ въ его докторской диссертации; она является наиболѣе яркимъ доказательствомъ того переворота, который произошелъ въ русской церковной исторической наукѣ съ 60-хъ годовъ и намѣчаетъ основныя черты еѣ; оно любопытно и въ томъ отношеніи, что представляетъ собой какъ бы научное вѣроисповѣданіе самого автора.

Въ основѣ догматическихъ движеній, по взгляду А. П. Лебедева, лежатъ не случайныя причины въ родѣ того, что какому нибудь неблагомыслящему члену церкви вдругъ вздумалось высказать ересь, а тѣ глубокія волненія, какія переживала интеллектуальная мысль церкви въ эпоху первыхъ четырехъ вселенскихъ соборовъ и которыя коренились въ различіи гносеологическихъ предпосылокъ выступавшихъ на сцену богословскихъ партій, отражавшихся и на догматическомъ строѣ ихъ воззрѣній. Вопросъ объ отношеніи вѣры къ знанію, о правахъ разума на область религіи, о возможности рациональнаго познанія религіозныхъ истинъ— вотъ вопросы, лежавшіе въ глубинѣ догматическихъ споровъ, волновавшихъ собой церковь въ теченіи полуторыхъ столѣтій, если отвлечь основную идею отъ множества выражавшихъ ея историческихъ явленій. Этотъ именно вопросъ и раздѣлилъ всю церковь на два большихъ лагеря, школы или направленія, изъ взаимнаго соперничества которыхъ и объясняются всѣ событія, наполняющія собой эпоху первыхъ четырехъ вселенскихъ соборовъ. Древность полна свидѣтельствъ въ пользу этого разграниченія двухъ направленій; они въ достаточной мѣрѣ исчерпаны и въ разсматриваемой диссертациі А. П. Лебедева; мы ограничимся лишь необходимымъ, чтобы напомнить читателю основныя мысли этого интереснаго изслѣдованія.

Александрійское направленіе стояло на стражѣ вѣры и преданія, требовало безусловнаго подчиненія разума исти-

нашей богословской литературѣ споры по поводу ученія В. С. Соловьева о т. в. развитіи церкви

намъ религіи и не допускала и мысли о какомъ либо раціональномъ изслѣдованіи и испытаніи въ религіозной области. Такъ именно думали и учили по указанному вопросу представители этого направленія. Самый ревностный борець противъ аріанства, глава Александрійской школы — Аванасій разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ: „какъ скоро намѣревался я писать и принуждалъ себя помыслить о Божествѣ Слова, всякій разъ далеко отступало отъ меня вѣдѣніе и сознавалъ я, что въ такой же мѣрѣ остаюсь я позади, съ какой думалъ постигнуть“. Признавая полную невозможность лично для себя проникнуть въ сокровенныя тайны христіанства, онъ внушаетъ и всѣмъ прочимъ полагать предѣлъ своей пытливости; онъ заявляетъ, что по многимъ вопросамъ вѣры лучше „молчать“, чѣмъ вдаваться въ разсужденія, такъ какъ, по его мнѣнію, „что предано вѣрѣ, то прилично постигать не человѣческой мудростію, но слухомъ вѣры, ибо какое слово достойнымъ образомъ объяснить то, что выше естества сотвореннаго“. Такія-же воззрѣнія на отношеніе разума къ вѣрѣ, пытливости къ послушанію проводили и другіе представители Александрійской школы ¹⁾.— Представители Антиохійской школы не знали подобной осторожности въ отношеніи къ предметамъ вѣры, и открыто провозглашали себя испытателями и изслѣдователями ея. Въ догматическихъ разсужденіяхъ они руководствовались „правилами діалектики“ и свои возраженія противъ никейцевъ излагали въ формѣ силлогизмовъ. Азцій, по свидѣтельству Созомена, очень любилъ спорить, былъ дерзокъ въ разсужденіи о Богѣ и употреблялъ логическія и разностороннія доказательства. Страсть къ новизнѣ, къ оригинальнымъ мыслямъ въ богословствованіи, желаніе сказать вѣское слово по спорнымъ вопросамъ, составляла отличительную черту ихъ. „Нововведеніе (у нихъ)—пишетъ Созомень,—будучи поощряемо похвалами, увеличивалось все болѣе и болѣе; слишкомъ полагаясь на себя и презирая отеческія преданія, оно поставляло собственные законы и не хотѣло мыслить о Богѣ согласно съ древними; изобрѣтая все новые догматы, не переставало прилагать новости къ новостямъ

¹⁾ См. „Вселенскіе соборы“ IV и V вѣка, 2 изд. Сергіевъ пос. 1896, III т. полнаго собранія, стр. 52—55; тамъ же и цитаты.

(IV, 7)⁴. Короче говоря, александрійцы были поборники *супранатурализма*, въ противодѣйствіе *раціонализму*, религиознаго *консерватизма* въ противодѣйствіе религиозному *либерализму*. Если изъ среды ихъ вышли блестящіе церковные писатели, то однакожь подобныя лица имѣли въ виду не достиженіе новыхъ результатовъ въ области религіи, а просто защиту вѣры, попираемой невѣріемъ, маловѣріемъ и суевѣріемъ. Напротивъ, антиохійство—это раціонализмъ или либеральное богословствованіе. Знаніе выше вѣры, вѣра должна провѣряться разумомъ—вотъ что провозглашали представители антиохійскаго ¹⁾ направленія ²⁾. Различаясь между собою въ гносеологическихъ воззрѣніяхъ, представители александрійской и антиохійской школы и топографически усѣлись на различныхъ мѣстахъ. Александрійское направленіе царило въ Александріи и вообще въ Египтѣ, за ней слѣдовалъ Римъ и Западъ, Иллирикъ (Македонія, Ахаія и Дакія) и іерусалимская церковь. Антиохійство распространялось по церквамъ Востока и твердыней его была Антиохія сирская. Здѣсь дѣйствовала школа, основанная въ концѣ III вѣка пресвитеромъ Лукіаномъ, изъ которой вышли наиболѣе видные представители антиохійской оппозиціи, занявшіе собой видныя каѳедры на Востокѣ. Здѣсь-же болѣе всего создавалось и догматическихъ аріанскихъ опредѣленій; догматы аріанства здѣсь возникали и отсюда распространялись. Константинополь, столица имперіи, Ираклія, страны Сиріи, Фракіи, Азіи и Понта—вотъ области, гдѣ умѣстилось антиохійское направленіе.

Первоначально оба эти направленія выступали въ своей принципиальной и фактической противоположности и много разъ мѣнялись взаимными анаемами, но затѣмъ по мѣрѣ ослабленія борьбы и удаленія съ поля дѣятельности главнѣйшихъ вождей, противники начинаютъ ближе взглядываться въ другъ друга, понимать обоюдныя недостатки; строгое аріанство мало по малу исчезаетъ, взаимное нерасположеніе ослабѣваетъ, и въ церкви къ 60—70 годамъ IV вѣка воцаряется миръ. Что же вынесли для будущаго бо-ровшіяся партіи изъ этихъ продолжительныхъ споровъ?—

1) Въ подлинникѣ: антиинкейскаго

2) Стр. 52.

„Формулы арианства теряютъ свой кредитъ въ церкви. Но остается отъ этихъ движеній, этихъ споровъ нѣчто, и это нѣчто переживаетъ арианство, достается въ наслѣдіе послѣдующимъ поколѣніямъ исторіи. Это нѣчто не было ни еретическимъ, ни вредоноснымъ, ни опаснымъ для вѣры, ни антихристіанскимъ. Было оно характеристической чертой извѣстныхъ кружковъ, импульсомъ къ догматическому развитію церкви, поощрительнымъ началомъ къ раскрытію истинъ христіанскаго вѣдѣнія. Лучшія стороны въ арианствѣ пережили самое арианство. Осталась отъ него религиозная впечатлительность или чувство воспріемлемости къ вопросамъ вѣры, неудержимая жажда истины, готовность искать и утверждать ее, бороться за истину въ случаѣ нужды и не уступать... Мысль богословствующая у нихъ не хотѣла довольствоваться хотя бы самыми возвышенными словесными формулами, въ которыхъ выражалась вѣра церковная. Они хотѣли, чтобы эти формулы говорили не слуху и сердцу, но и разуму человѣческому. Они хотѣли привести въ согласіе вѣру и разумъ—требованіе, которое всегда будетъ предъявлять человѣкъ, пока живо человѣчество... Арианство создало то, что называется направленіемъ. Отказавшись отъ ереси, это направленіе вошло въ теченіе богословскаго развитія церкви въ качествѣ православнаго направленія. Оно пріютилось въ Антиохіи, затѣмъ въ Константинополѣ,—въ мѣстахъ, гдѣ ранѣе жило арианство,—и простирало свое вліяніе на округи, какія позднѣе стали называться патріархатами антиохійскимъ и константинопольскимъ. Это есть направленіе *антиохійское*, поскольку въ немъ удержались принципы и стремленія, отличавшія по преимуществу антиохійскую церковь въ эпоху арианства и ему принадлежало будущее“¹⁾.—Что касается до общества противниковъ арианъ,—православныхъ, то представители его не могли извлечь изъ борьбы съ арианствомъ никакихъ полезныхъ уроковъ. Ихъ оставшая точка зрѣнія, что вѣру не должно провѣрять разумомъ, что вѣра выше разума не нуждалась и не терпѣла исправленій... Интересъ къ религиозному знанію былъ и основался у нихъ посредственнымъ. Орудіемъ мысли они

¹⁾ Торжествомъ этого направленія въ церкви и былъ второй вселенскій Константинопольскій Соборъ 381 г. и изданный имъ символъ

пользовались лишь тогда и настолько, когда и насколько вызывала къ тому борьба съ врагами вѣры. Они не чуждались науки, но и не отдавались ей... Центромъ, гдѣ сосредоточились силы этой партіи, была Александрія и сопредѣльныя ей страны, а за нею Римъ, а потому и направленіе это называется *александрійскимъ*, поскольку оно было выраженіемъ тѣхъ принциповъ и стремленій, какими отличались въ богословствованіи церковь и школа александрійская. Направленіе это долго живетъ въ исторіи, не сливаясь съ антиохійскимъ, но исторія его траурная ¹⁾. — Таковы историческій и научный результатъ, извлеченный изъ анализа тринитарныхъ споровъ IV вѣка.

Наступилъ V вѣкъ и возникли христологическіе споры. Но всматриваясь въ соотношеніе партій, въ защищаемые ими принципы и идеалы, историкъ замѣчаетъ, что измѣнился только предметъ состязаній, а не участвующія въ нихъ силы. Даже топографія дѣйствующихъ направленій осталась таже самая. Но предоставимъ слово самому А. П. Лебедеву: „какъ во времена арианскихъ споровъ, такъ и теперь во главѣ противниковъ несторіанской ереси стояли александрійская церковь и ея архіепископъ Кириллъ. Александрійскіе или точнѣе египетскіе епископы на III вселенскомъ соборѣ заявляли: „отъ египетскихъ епископовъ требовать отчета въ православной вѣрѣ излишнее дѣло, ибо всякому очевидно, что мы слѣдуемъ вѣрѣ святѣйшаго Кирилла“. Какъ и во время арианскихъ споровъ церковь римская взяла ту же сторону. Кириллъ писалъ въ Римъ, разъясняя дѣло, просилъ содѣйствія папы и легко получилъ желаемое. Папа склонился на сторону Кирилла и вмѣстѣ съ собой склонилъ всю западную церковь. Какъ и въ эпоху никейскаго собора страны иллирійскія, подъ вліяніемъ ли папъ или подъ вліяніемъ александрійской церкви, объявляютъ себя за ученіе, которое раскрывалось и доказывалось Кирилломъ. Македонія и весь Иллирикъ подали голосъ на соборѣ за одно съ Римомъ. Церковь іерусалимская, какъ и въ IV вѣкѣ, безъ всякихъ колебаній стала на сторонѣ александрійскаго ученія“. Даже Анкира, эта отдаленная мѣстность отъ Александріи, въ лицѣ своего епископа Θεодота

¹⁾ Всел. Соб. стр. 107—110 въ свободной передачѣ.

заявила себя дѣятельнымъ сотрудникомъ Кирилла, какъ и Маркеллъ анкирскій въ IV вѣкѣ считался сторонникомъ Аванасія и значился въ рядахъ никейцевъ, но любопытно, что тотъ и другой епископъ подъ конецъ своей жизни сами вдаются въ ересь и впадаютъ въ противоположную крайность. — Съ другой стороны, несторіанство воцарилось въ тѣхъ же мѣстностяхъ, гдѣ ранѣ процвѣтало аріанство. Центромъ его была также Антіохія, откуда и вышли всѣ вожди несторіанскаго движенія. Самъ Несторій былъ сначала пресвитеромъ-катехетомъ антиохійской церкви; Іоаннъ, архіепископъ антиохійскій, объявляетъ себя другомъ Несторія и, перечисляя главныхъ епископовъ своего округа, замѣчаетъ о нихъ, что они относятся, какъ и самъ Іоаннъ, съ любовью къ Несторію и его дѣло считаютъ собственнымъ дѣломъ. Константинополь и теперь является мѣстомъ, откуда повсюду раскидываются тенеты несторіанства, и самъ виновникъ спора занимаетъ столичную кафедру. Ираклія, сирійскіе, азійскіе и понтійскіе епископы также держатъ сторону Несторія. Географическая параллель выходитъ полная¹⁾. Та же самая параллель наблюдается и въ области гносеологическихъ предпосылокъ. Александрійская школа и въ несторіанскихъ спорахъ твердо настаиваетъ на своемъ уже извѣстномъ намъ изъ исторіи аріанскихъ движеній тезисѣ: „вѣрь чуду (искупленія) и не испытывай умомъ совершившагося“, антиохійцы же требуютъ „исслѣдованія и испытанія догматовъ“, стремятся разяснить истину „посредствомъ предложеній и рѣшеній“. Этому гносеологическому параллелизму соответствуетъ и параллелизмъ догматическихъ идей. Какъ въ аріанствѣ антиохійская богословская мысль склонялась къ тому, чтобы раздѣльно, неслиянно представить себѣ Ипостаси св. Троицы, такъ и въ христологіи она направлялась къ тому, чтобы отчѣнить и отчетливо представить моментъ различія естествъ во Христѣ. И александрійская школа шла по аналогичному съ IV вѣкомъ пути: какъ тамъ она защищала субстанціанальное единство Ипостасей св. Троицы, такъ здѣсь, въ области христологіи, оно проповѣдуетъ физическое единство естествъ во Христѣ²⁾.

1) Всел. Соб., стр. 148—151.

2) Подробности и цитаты см. Всел. Соб. стр. 148—169.

Разсматриваемая съ принципиальной стороны, дальнѣйшая исторія христологическихъ споровъ, какъ она изложена у А. П. Лебедева, приобретаетъ философско - теоретическій интересъ лишь постольку, поскольку она даетъ видѣть, какое изъ этихъ направленій возобладало надъ другимъ и приобрѣло окончательную побѣду въ церкви. Третій вселенскій соборъ составившійся главнымъ образомъ подъ вліяніемъ александрійскаго направленія, не внесъ никакого вклада въ догматическій прогрессъ церкви. Какъ извѣстно, собравшіеся въ Ефесѣ епископы раздѣлились на двѣ партіи: александрійско-римскую и антioxійскую, и всѣ ихъ собственныя старанія и попытки, исходившія отъ императорской власти, соединить ихъ въ одинъ единомысленный соборъ, окончились ничѣмъ. Никакого догматическаго опредѣленія Ефесскій соборъ не издалъ и начатыхъ споровъ не окончил¹⁾. Такимъ завершеііемъ и окончаніемъ поднятыхъ Несторіемъ споровъ и явилась антioxійская уніа 433 года, когда антioxійскій символъ былъ признанъ точнымъ вѣроизложеніемъ церковнаго ученія какъ Кирилломъ и его сторонниками (александрійское направленіе), такъ и партіей Іоанна антioxійскаго, и догматическій анализъ этого символа показываетъ, что въ немъ слились въ одно гармоническое цѣлое лучшіе элементы александрійской и антioxійской христологіи. Уніа могла бы составить собой основу церковнаго единства, если бы противъ нея не выступили фанатическіе почитатели Кирилла, видѣвшіе въ согласіи его на унію измѣну православію и возвращеніе въ несторіанство²⁾. Протестъ раздался со стороны Египта: со вступленіемъ на александрійскую кафедру преемника Кирилла Діоскора монофизитство, т. е. ученіе объ одной природѣ Христа по воплощеніи возобладало въ Египтѣ и Ефесскій соборъ 449 года, получившій въ исторіи названіе разбойническаго, — это карикатурное воспроизведеніе Ефесскаго собора 331 г. въ его Кирилловой половинѣ, — явился полнымъ торжествомъ александрійскаго направленія въ его исключительныхъ, дошедшихъ теперь уже до крайностей, особенностяхъ. — Въ чемъ состояла догматическая дѣятельность

1) Тамъ же, стр. 175—179

2) Тамъ же, стр. 180—192.

этого собора? Единственнымъ догматическимъ опредѣленіемъ собора 449 г. было безусловное запрещеніе входить въ какіе-то ни было новыя изысканія въ области вѣры. Діоскоръ самъ развиваетъ мысль предъ соборомъ, что для вѣры достаточно тѣхъ разъясненій, какія уже сдѣланы, что церковь не имѣетъ права излагать вѣру въ новыхъ опредѣленіяхъ, что не слѣдуетъ дѣлать никакихъ изысканій въ области вѣры, что все это грозитъ опасностью для вѣры. И соборъ, съ восторгомъ привѣтствуя эти взгляды своего предсѣдателя, единогласно постановляетъ: „если кто измѣнитъ (вѣру т. е. установленный ранѣе порядокъ мыслей), да будетъ анаѣема; если кто передѣлаетъ, да будетъ анаѣема; проклятъ тотъ, кто прибавляетъ; проклятъ тотъ кто убавляетъ; проклятъ тотъ, кто обновляетъ!“ „Соборъ,— замѣчаетъ проф. Лебедевъ,—очевидно, стоялъ на точкѣ зрѣнія того консерватизма, отъ котораго нельзя ожидать добра. Въ рѣчахъ собора слышится неумолимый приговоръ надъ естественными стремленіями человѣка изучать вѣру, толковать писанія, разъяснять догматы... Монофизиты жили не настоящимъ, но прошлымъ — они были подобны тѣмъ „старухамъ (выраженіе, взятое авторомъ изъ сочиненій Кирилла александрійскаго — стр. 269)“, которые любятъ поучать новое поколѣніе, указывая золотой вѣкъ въ далекомъ прошломъ, и отрицаютъ значеніе новыхъ идей и новыхъ явленій. Что было бы съ церковью, съ наукой, съ разумомъ человѣческимъ, если бы узкія, отсталыя воззрѣнія разбойническаго собора восторжествовали?!.. Александрійское богословіе стало вырождаться, наступали его послѣдніе дни ¹⁾).

Халкидонскій соборъ 451 года и его догматическая дѣятельность привлекаетъ къ себѣ особое вниманіе автора: онъ съ видимымъ удовольствіемъ и нескрываемой симпатіей слѣдитъ за каждымъ актомъ его догматическаго творчества, даетъ тонкій и неподражаемый анализъ его дѣяній и привѣтствуетъ каждый шагъ его, идущій на встрѣчу вѣры и науки ²⁾. Въ Халкидонскомъ соборѣ онъ усматриваетъ окончательное завершеніе, итогъ всей догматической работы, выполненной богословской мыслью, начиная съ никейскаго со-

¹⁾ Всел. Соб. стр. 218. 219.

²⁾ Ему посвящены стр. 232—264.

бора, и окончательные результаты его формулируетъ слѣдующимъ образомъ. Въ IV и V вѣкахъ шелъ немолкаемый споръ между христіанскими школами — александрійской и антiохійской—о томъ, въ какомъ отношеніи разумъ человѣческой долженъ стоять касательно изслѣдованій истинъ вѣры, догматовъ церкви. Школа александрійская высказывалась на этотъ счетъ осторожно; она опасалась изслѣдованій въ области религіи; религіозную область она ставила неизмѣримо выше тѣхъ условій, при которыхъ способенъ дѣйствовать разумъ человѣческой. Иначе смотрѣла на дѣло школа антiохійская. Она не устранилась отъ изслѣдованій и изысканій, пытливости въ вопросахъ вѣры. Разуму она довѣряла великую миссію изъяснить истины вѣры для мышленія человѣческаго; въ этихъ стремленіяхъ она иногда заходила далеко... На какой точкѣ зрѣнія стояли представители Халкидонскаго собора? — Свое истинное воззрѣніе на необходимость, пользу и невозбранность догматическихъ изысканій и разъясненій въ церкви соборъ прекрасно выразилъ въ рѣчи, съ которой онъ по заключенію своей дѣятельности обратился къ императору. Ораторъ (имя его неизвѣстно) выступаетъ здѣсь съ энергичной полемикой именно противъ того предразсудка, что были и есть люди, которымъ представляется дѣломъ незаконнымъ и непозволительнымъ терпѣть какія-нибудь изложенія вѣры, кромѣ никейскаго, и рядомъ историческихъ примѣровъ доказываетъ, что никогда и никѣмъ не запрещалось вопреки врагамъ вѣры дѣлать надлежащее раскрытіе догматовъ, что свобода богословскаго изслѣдованія можетъ имѣть свое законное мѣсто и въ области религіи. Приводя изреченія никейскаго символа о Божествѣ Сына Божія и Духа Св., онъ указываетъ, что многіе пункты вѣроученія, изложеннаго въ символѣ, подвергались спорамъ, еретическимъ жетолкованіямъ; явились ученія Маркелла, Фотина, македоніанъ: символъ никейскій оказался недостаточнымъ, чувствовалась нужда въ новомъ вѣроизложеніи и такимъ образомъ возникъ константинопольскій символъ. На этомъ дѣло, однако, не остановилось; никейскій символъ не предотвращалъ такихъ заблужденій какъ аполлинаризмъ, несторіанство и евтихіанство,—и вотъ для раскрытія догматовъ и разъясненія истины являются многочисленныя сочиненія св. отцевъ,—такихъ, какъ Васи-

лій Великій, папа Дамасъ, Аѳанасій Великій, Кириллъ александрійскій, мудрый Іоаннъ епископъ антиохійскій, Прокль, Левъ Великій, — сочиненія, къ которымъ нужно относится съ величайшимъ уваженіемъ, а отнюдь не говорить, что они излишни или не надобны и которыя имѣютъ такое же право на существованіе, какъ и символъ никейскій. Выводъ, {слѣдующій изъ этихъ историческихъ данныхъ, понятенъ самъ собой: „если кто въ настоящее время, — заявляетъ ораторъ отъ лица собора, — предлагаетъ остановить свободу (*adlibitum*) желающимъ защищать вѣру, то пусть это распоряженіе онъ узаконитъ относительно еретиковъ, чтобы они оставили неправду, а не пастырямъ защищеніе. Пусть знаютъ, что намъ не запрещено выражать свои мысли, свое исповѣданіе подъ однимъ условіемъ: оно должно быть сообразно съ ученіемъ отцовъ.—Итакъ, мы видимъ, что Халкидонскій соборъ вошелъ въ точнѣйшее обсужденіе вопроса объ отношеніи мысли человѣческой къ религіи и разрѣшилъ, не только не устранивъ правъ мысли человѣческой на разъясненіе догматовъ, но даже призывая его къ подобной задачѣ... Шестьсотъ отцовъ собора Халкидонскаго на вѣки благословили богословскую науку и ея дѣло ¹⁾).

Но если въ обезпеченіи правъ разума на изслѣдованіе религіозныхъ вопросовъ Халкидонскій соборъ пошелъ на встрѣчу постояннымъ стремленіямъ антиохійской школы, то въ своемъ догматическомъ опредѣленіи онъ всталъ на примирительный путь. Онъ не далъ предпочтенія ни богословскимъ воззрѣніямъ александрійской школы, ни антиохійскимъ тенденціямъ въ области догматики, онъ примирилъ оба эти теченія и слилъ ихъ въ одно ученіе. Два богословскихъ направленія, которыя доселѣ выступали одно противъ другого, въ вѣроопредѣленіи халкидонскомъ братски примирились, и изъ двухъ родовъ богословствованія возникло одно богословствованіе, въ которомъ каждая партія видѣла отпечатокъ дорогихъ для нея стремленій и убѣжденій ²⁾. Такъ закончилась исторія александрійской и антиохійской школъ.

Мы прослѣдили лишь одну принципиальную сторону дис-

¹⁾ Всел. Соб. стр 272. 273

²⁾ Стр. 278.

сертации А. П. Лебедева и оставили въ сторонѣ его историческую подпочву, но и она заслуживаетъ вниманія. Каждый теоретическій тезисъ здѣсь подтвержденъ рядомъ историческихъ фактовъ и свидѣтельствъ, подобранныхъ съ замѣчательнымъ искусствомъ и убѣждающихъ читателя не количествомъ, а качествомъ своимъ и съ такою обстоятельностью, что дополнить ихъ новыми болѣе или менѣе цѣнными данными становится невозможнымъ. Тонкость анализа, способность исторической наблюдательности и широта общаго взгляда, съ какою разсматриваются здѣсь изслѣдуемые вопросы, являются отличительными особенностями всей диссертации. Антиохійская унія и константинопольскій соборъ 448 г., происходившій подъ предсѣдательствомъ Флавіана противъ Евтихія здѣсь впервые получили научную обработку и поняты въ своемъ историческомъ значеніи. Особенно неподражаемы страницы, посвященныя исторіи составленія халкидонскаго вѣроопредѣленія (какъ, впрочемъ, и весь отдѣлъ о халкидонскомъ соборѣ), гдѣ въ яркой картинѣ изображены назойливыя старанія представителей александрійской и антиохійской школъ дать при помощи какого-либо термина или союза (два естества (ант.), изъ двухъ естествъ (алекс.) въ двухъ естествахъ (халк. соб.) преобладаніе своимъ возрѣніямъ,—страницы, наглядно свидѣтельствующія, что догматическія опредѣленія соборовъ не навязывались церкви откуда-либо совнѣ и не брались изъ какой-либо заранѣе готовой сокровищницы вѣры, а являлись плодомъ усилій богословской мысли, поскольку ея результаты признавались на соборахъ соответствующими догматическому ученію церкви. Вообще отдѣлъ диссертации, обнимающій собой исторію христологическаго вопроса, является самымъ цѣннымъ вкладомъ въ церковно историческую науку, и доселѣ не воспользованный и незамѣненный, ни въ русской, ни въ западной церковно исторической литературѣ.

Самая мысль объ александрійскомъ и антиохійскомъ направленіяхъ въ древне-церковной литературѣ, лежащая въ основѣ диссертации А. П. Лебедева, не была безусловно новой; впервые она замѣчена Бауромъ и какимъ-то удивительнымъ путемъ вошла въ учебники по церковной исторіи Гассе-рус. пер. Соколова, стр. 177. 209 и д.) и даже Е. Смирнова.: (Но уже у самого Баура она имѣла ограниченный смыслъ

она прилагалась только къ исторіи древней церковной литературы и не сопровождалась никакими другими комбинаціями. Не то мы встрѣчаемъ въ сочиненіи А. П. Лебедева: онъ придалъ ей совершенно новое значеніе. Онъ первый въ наукѣ далъ болѣе или менѣе исчерпывающую характеристику этихъ школъ, указалъ на гносеологическій принципъ, какъ основное различіе ихъ и провелъ его послѣдовательно по всѣмъ проявленіямъ ихъ въ теоріи и жизни. Такъ напр. противоположность между спорившими партіями въ эпоху аріанскихъ движеній далеко не ограничивалась одной гносеологіей. Она проникала въ области взаимныхъ отношеній, сказывалась во всѣхъ затронутыхъ жизнью вопросахъ. Ихъ обоюдные взгляды на никейскій символъ, представлявшій собой торжество александрійскаго начала въ богословіи, были до крайности различны. Насколько высоко цѣнили это въроизложеніе александрійцы, считая его неизмѣннымъ и навсегда даннымъ правиломъ вѣры, настолько подозрительно относились къ нему антиохійцы, не видѣвшіе нужды приваиваться къ буквѣ его и заявившіе о себѣ творчествомъ новыхъ символовъ. Различіе сказывалось и въ обсужденіи назрѣвавшихъ къ половинѣ IV вѣка вопросовъ о Божествѣ и челоувѣчествѣ во Христѣ и о св. Духѣ и, наконецъ, оно выражалось и въ неодинаковой почтительности въ отношеніи къ папскому престолу ¹⁾. Тоже отчасти наблюдалось и въ христологическихъ спорахъ. Понятіе школы подъ перомъ А. П. Лебедева по сравненіи въ Бауромъ, такимъ образомъ, значительно расширилось: оно стало обнимать собой не только литературное явленіе извѣстнаго порядка, но и цѣлое направленіе, выступающее со своими опредѣленными и строго очерченными воззрѣніями и заявляющее о себѣ энергичной борьбой въ жизни. Еще важнѣе въ научномъ отношеніи было то, что онъ первый приложилъ эту идею къ исторіи вселенскихъ соборовъ и съ этой точки зрѣнія выяснилъ всѣ ихъ особенности, вслѣдствіе чего какъ догматическая дѣятельность соборовъ, такъ и послѣдующая исторія ихъ опредѣленій ²⁾ введена была во внутреннюю связь съ основными теченіями

¹⁾ Подробности см. стр. 57—109.

²⁾ См. напр. исторію никейскаго символа 105—110 стр. и особенно интересныя наблюденія надъ исторіей антиохійской уніи на соборахъ 448, 449 г.г. и халкидонскомъ.

церковной жизни, получила разумный и высшій смыслъ, какого она не имѣла еще ни въ одномъ изслѣдованіи, посвященномъ исторіи вселенскихъ соборовъ ¹⁾, и понята, какъ исторически необходимое проявленіе интеллектуальной энергіи богословской мысли членовъ церкви, направленной на разъясненіе христіанскаго ученія.

Заслуживаетъ также вниманія основная тенденція, отмѣченная выше, красной нитью проходящая чрезъ всю диссертацию и выражающая какъ бы научное вѣроисповѣданіе автора,—это защита правъ человѣческаго разума на познаніе, разъясненіи и истолкованіи высшихъ истинъ религіозной вѣры. Во всѣхъ разсужденія автора, относящіяся къ далекому прошлому, она вноситъ жизненную струю, особенно цѣнную не только для годовъ, отмѣченныхъ на первомъ изданіи его сочиненія, но и для нашего времени, когда права человѣческаго разума на область религіозную часто попираются, и придаютъ ему вѣчный и неувядающей отгѣнокъ. Эти права—непоколебимы; они защищены авторитетомъ вселенскихъ соборовъ, голосомъ всей церкви. Долговременный полтора вѣковъ споръ между александрійской и антиохійской школой, когда со стороны первой исчерпаны были всѣ средства обойтись безъ помощи разума, остались лишь на почвѣ неизмѣннаго преданія оказались безплодными и привели лишь къ заблужденію и еретичеству (монофизитство и соборъ Діоскора 448), окончился въ пользу разума ²⁾ и „шестьсотъ отцовъ Халкидонскаго собора на вѣки благословили богословскую науку и ея дѣло“.

Появленіе диссертации А. П. Лебедева въ печати было торжествомъ историко-критическаго начала въ русской церковно-исторической наукѣ, доселѣ почти совсѣмъ отсутствовавшего въ ней. вмѣсто прежняго, шаблоннаго, сухого изложенія фактовъ, въ ней каждое историческое явленіе, свидѣтельство или изреченіе древняго писателя подводилось подъ извѣстную рубрику и становилось выраженіемъ общихъ теченій, отражавшихся на всей догматической жизни церкви. Историкъ здѣсь не подчинялся внѣшнему насилію фактовъ,

¹⁾ Въ этомъ отношеніи далеко отстываетъ предъ изслѣдованіемъ А. П. Лебедева извѣстная Consiliengeschichte Hefele, неподражаемая впрочемъ со стороны фактической.

²⁾ Ограниченія этого тезиса см. стр. 109. 241. 273.

но самые факты, подвергнутые анализу, подъ перомъ ученаго слагались въ стройную комбинацію, необходимо приводили и его самого, и читателя къ опредѣленному логически обоснованному выводу, и исторія прошлаго становилась не хронологически лишь упорядоченнымъ рядомъ событій, а картиннымъ и художественнымъ воспроизведеніемъ самой жизни. Историкъ говорилъ лишь то, на что уполномочивали его факты, но самый методъ изслѣдованія этихъ фактовъ измѣнился; не каждое историческое явленіе, случайно сталкивавшееся въ обиходъ ежедневной жизни, привлекало на себя вниманіе историка, но лишь то, которое послѣ строгой критической оцѣнки признавалось имѣющимъ болѣе или менѣе общій смыслъ и проявляющимъ въ себѣ опредѣленное направленіе жизни въ изучаемой области. Исторія обращалась въ науку, основывающуюся на индуктивномъ обобщеніи реально данныхъ фактовъ, должна была отбросить всякія постороннія тенденціи и опираться только на фактическую почву, возстановляемую при помощи критическаго источниковъ. Вотъ то новое, что внесено было проф. Лебедевымъ въ русскую церковно-историческую науку и что служило руководящимъ принципомъ всей послѣдующей его научной дѣятельности. Какими благотворными результатами отразился этотъ историко-критическій методъ на его исторіи вселенскихъ соборовъ IV и V вѣка,—это мы видѣли, а теперь посмотримъ, какъ была встрѣчена его диссертація читающей публикой.

Вполнѣ естественно, что сочиненіе, выступающее съ новыми взглядами на такой важный и авторитетный предметъ, какъ вселенскіе соборы и ихъ исторія, вызвало къ себѣ всеобщій интересъ въ богословскихъ кружкахъ и подвергнуто было публичной критикѣ,—ясный знакъ, что оно затронуло живые интересы времени. Люди, дорожившіе успѣхами русской церковно-исторической науки, съ восторгомъ привѣтствовали его, но за то тѣмъ рьянѣе поднялась противъ него консервативная клика, увидѣвшая въ новой диссертации чуть не колебаніе всѣхъ основъ православія. Противъ автора его раздались обвиненія во всевозможныхъ заблужденіяхъ, какія трудно совмѣстить въ одной головѣ. Упрекали его и въ томъ, будто бы, по его сужденію, аріане были истинными двигателями богословской науки и во всѣхъ отношеніяхъ шли впе-

реди православныхъ, и въ томъ, что Кириллъ іерусалимскій въ его изображеніи оказался аріаниномъ, а Діоскоръ истинно-православнымъ мужемъ, и въ томъ, что по мысли автора церковное ученіе есть соединеніе ереси съ православіемъ. А. П. Лебедевъ провозглашенъ былъ послѣдователемъ тюбингенской школы и Баура. Послышались призывы „къ обузданію“; потребовали, чтобы само начальство взяло отъ автора право называться докторомъ богословія и осудило его диссертацию; высказывалось даже желаніе отдать все дѣло на судъ восточныхъ патріарховъ въ томъ предположеніи, что русская церковь въ лицѣ Св. Синода впала въ заблужденіе, признавъ автора докторомъ богословія ¹⁾... На личной судьбѣ автора эта придирчивая критика и инсинуаціи по адресу высшаго начальства отразились мало—развѣ только тѣмъ, что онъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими членами академической корпораціи причисленъ былъ къ подозрительнымъ по своему направленію писателямъ... Но его диссертациа наслѣдовала довольно печальную участь въ ряду произведеній русской церковно-исторической науки, хотя далеко не одинокою. Уже въ синодскомъ указѣ объ утвержденіи его въ степени доктора богословія заглавіе его диссертации дипломатически было умолчано; въ семинарскія библиотеки долго она не допускалась и еще въ инструкціи, изданной Синодомъ въ 1889 г. о правилахъ, какими должны руководиться совѣты Академій въ дѣлѣ присужденія магистерскихъ и докторскихъ степеней, высказывалось порицаніе по адресу такихъ историческихъ сочиненій, въ которыхъ событія церковной жизни въ своемъ ходѣ и развитіи объясняются только связью причинъ и дѣйствій, выходящихъ изъ однихъ человѣческихъ дѣйствій и стремленій (?), изъ движенія страстей, изъ побужденій честолюбія и властолюбія (точно ангелы, а не люди дѣйствовали въ прошлой исторіи церкви!), изъ вліянія господствующихъ въ данное время школъ и направленій, вслѣдствіе чего многія церковно-историческія событія выставляются въ неправильномъ видѣ,—какъ напр. въ одномъ сочиненіи изъяснялось, что вселенскіе соборы въ своихъ опредѣленіяхъ подчинялись вліянію

¹⁾ См. его статью: „Къ моей ученой литературной автобіографіи“. Бог. Вѣсти. 1907, Іюнь, 1907, стр. 408—417.

то той, то другой богословской школы. Смотри по тому, какая изъ школъ одерживала перевѣсъ между представителями собора. Вотъ, и пиши тутъ исторію! ¹⁾.

Но ни инсинуаціи по адресу высшаго начальства, ни нелѣпыя обвиненія, вызванныя его диссертаціей, не ослабили учено-литературнаго рвенія А. П. Лебедева, и онъ продолжалъ дарить русскую науку рядомъ новыхъ и новыхъ изслѣдованій по самымъ разнообразнымъ вопросамъ. Вскорѣ же послѣ изданія исторіи IV и V вѣка онъ опубликовалъ новое свое произведеніе (1885 г.): „Эпоха гоненій на христіанъ и утвержденіе христіанства въ греко-римскомъ мірѣ при Константинѣ Великомъ“, вышедшее теперь уже третьимъ изданіемъ (1904 г.). Идеи, какія намѣчены были уже А. В. Горскимъ въ своихъ лекціяхъ и подверглись суровому про-

¹⁾ Эпохъ вселенскихъ соборовъ принадлежитъ также и другой трудъ А. П. Лебедева: „Исторія послѣднихъ IV соборовъ“ напечатанный первоначально въ Душеп. Чт. и вошедшій въ IV й томъ полнаго собранія его сочиненій. Онъ появился на свѣтъ, кажется, только изъ желанія дополнить сочиненіе Іоанна Митропольскаго о вселенскихъ соборахъ, ограничившееся только тремя первыми (теперь оно доведено до конца и напечатано уже подъ именемъ Іоанна, епископа Аксайскаго—см. Исторія вселенскихъ соборовъ. Новочеркасскъ. 1893). Онъ носитъ на себѣ печать учено-литературнаго таланта автора: тотъ же изящный стиль, тоже умѣніе подмѣтить характерные факты, выдвинуть ихъ на первый планъ и объединить въ опредѣленные комбинатіи. Оно можетъ служить не только прекраснымъ пособіемъ для ознакомленія съ дѣятельностью этихъ соборовъ и причинами, давшими поводъ къ нимъ, но и руководствомъ при изученіи актовъ соборныхъ, которые по запутанности матеріала способны затруднить даже опытнаго изслѣдователя. Должно думать, что и самъ авторъ не питалъ особаго интереса по крайней мѣрѣ къ исторіи послѣднихъ трехъ соборовъ. Научная и богословская производительность александрийской и антиохійской школы, внесившая энергію и движеніе въ исторію первыхъ четырехъ соборахъ, вмѣстѣ съ халкидонскимъ соборомъ прекратилась и на сцену исторической жизни церкви выдвинулась все нормирующая политика византійскихъ императоровъ. По этому и разсматриваемое сочиненіе огривичивается лишь упорядоченіемъ фактическаго матеріала и лишено тѣхъ широкихъ обобщеній, какими полна его докторская диссертація.—Новѣйшія изслѣдованія по исторіи догматическихъ движеній древней церкви, углубили схему направленій, предложенную А. П. Лебедевымъ въ своей диссертаціи, перенеся ее на почву философскихъ предпосылокъ, опредѣляющихъ уже не одну гносеологическую почву зрѣнія, но и все философско-богословское міросозерцаніе церковнаго писателя. Эта плодотворная идея заключаетъ въ себѣ полную возможность провести ту же самую систематизацію и въ области позднѣйшихъ моноелитскихъ и иконоборческихъ споровъ.

тесту со стороны Митрополита Филарета, здѣсь нашли свое полное осуществленіе. Книга и открывается именно изложеніемъ причинъ гоненій, которыя раздѣляются на государственныя, религіозныя или религіозно-политическія и общественныя (5—36). Затѣмъ изслѣдуются эдикты императоровъ, направленные противъ христіанъ, опредѣляется ихъ подлинность, объемъ примѣненія, и преслѣдованія христіанъ изображаются все въ возрастающей степени по своей широтѣ и интенсивности, начиная отъ Траяна и кончая Діоклитіаномъ. Изложеніе исторіи гоненій сопровождается художественными характеристиками выступающихъ здѣсь государственныхъ дѣятелей Рима, какъ Плиній, Маркъ Аврелій и Діоклитіанъ, анализомъ ихъ политическихъ идеаловъ и объясняемаго изъ этихъ идеаловъ отношенія ихъ къ христіанской религіи. Вторая часть занимается такъ наз. толерантными указами касательно христіанъ, содержащими въ себѣ болѣе или менѣе благосклонныя распоряженія императоровъ и обезпечивавшими юридическое положеніе ихъ въ имперіи. Читатель здѣсь наглядно созерцаетъ тѣ постепенныя шаги, какіе дѣлаетъ христіанство по пути пріобрѣтенія правъ на болѣе или менѣе безобидное существованіе въ римской имперіи, пока не доходитъ до времени правленія Галерія и Константина Великаго, когда христіанство провозглашается государственной религіей. Личность перваго христіанскаго императора вызываетъ къ себѣ особыя симпатіи автора, и защитѣ идеальныхъ качествъ его характера онъ посвятилъ цѣлый рядъ статей ¹⁾. Все изслѣдованіе опирается на непосредственное изученіе источниковъ и той обширной западной литературы ²⁾, какая существовала уже ко времени изданія его и, если съ тѣхъ поръ нѣсколько и пополнилась, то только малозначи-

¹⁾ Таковы: Обращеніе Императора Константина Великаго къ христіанству (Душ. Чт. 1887, 1); Разборъ попытокъ доказать, что Константинъ Великій не былъ христіаниномъ (Чт. О Л. Д. П. 1885, 1). Голосъ протестантскаго ученаго въ защиту Константина Великаго (Тамъ же, 1886, 1); Императоръ Константинъ Великій въ частной жизни (Душ. Чт. 1886, 1); Новые споры по старому вопросу изъ исторіи жизни Константина Великаго (Прав. Обзор. 1890, 1); Новая нѣмецкая книга о Константинѣ Великомъ (Бог. Вѣстн. 1893). Нѣкоторыя изъ нихъ перепечатаны въ 9 томѣ его полнаго собранія сочиненій.—Противъ идеализаціи Константина Великаго, конечно, можно много спорить.

²⁾ Таковы напр. классическіе труды Aubé и Allard'a

тельными специальными работами. Историко-критическій методъ здѣсь получилъ полное свое примѣненіе: акты и легенды, окружающіе собой древніе рассказы о мученикахъ, подвергаются серьезной критикѣ, устанавливается ихъ подлинность или подложность и изъ поддѣланныхъ актовъ извлекается зерно истины. И такъ наз. гонители христіанства здѣсь получили свою надлежащую историческую оцѣнку: они описываются не какъ отъявленные враги рода человѣческаго или чудовища безумія и разврата, но какъ люди высокихъ государственныхъ качествъ и политическихъ идеаловъ, въ преслѣдованіи христіанъ видѣвшихъ государственную пользу. Для тѣхъ годовъ, въ какіе оно появилось, оно по своему научному методу, оригинальной постановкѣ дѣла казалось чѣмъ-то новымъ, не слыханнымъ доселѣ въ русской церковно-исторической литературѣ. Оно привѣтствовано было одобрительными отзывами печати и самъ Оберъ-Прокуроръ св. Синода отмѣтилъ его въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ, какъ явленіе, выдающееся въ богословской литературы. Съ точки зрѣнія современной постановки вопроса можно предъявить къ нему нѣкоторыя возраженія: во 1-хъ противъ распорядка гоненій по эдиктамъ, при чемъ всѣхъ гоненій насчитывается ровно пять,—хотя самъ авторъ замѣчаетъ, что точное число эдиктовъ осталось неизвѣстнымъ для нашего времени, и что христіане терпѣли преслѣдованія и въ царствованіе наиболѣе благосклоннымъ къ нимъ императоровъ; во 2-хъ, противъ выдѣленія такъ наз. толерантныхъ указовъ отъ эдиктовъ, вызывавшихъ преслѣдованія, нарушающаго историческую послѣдовательность и связность. Но ясно, что оба эти возраженія касаются лишь внѣшней координаціи изслѣдуемаго матеріала и не затрагиваютъ существа дѣла. По научнымъ же достоинствамъ своего содержанія оно стоитъ на одномъ уровнѣ со всѣми имѣющимися на западѣ изслѣдованіями этой области и съ выводами его долженъ считаться всякій, желающій работать на одномъ съ нимъ историческомъ полѣ, а для русской церковно-исторической науки оно останется, повидимому, надолго незамѣненнымъ. Успѣхъ и распространенность этого сочиненія среди читающей публики свидѣтельствуются уже тѣмъ, что оно вышло третьимъ изданіемъ.

А. Спасскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).